

Зинаида Ивановна Строгальщикова

*Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН,
г. Петрозаводск*

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КАРЕЛИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ)¹

На этническое развитие карелов, финнов и вепсов Карелии в советский период повлияло политическое противостояние Финляндии и России. Оно являлось основной причиной изменений государственно-правового статуса Карелии, в соответствии с которым менялись приоритеты в области языковой политики. Итогом этих преобразований стало лишение карельского и вепсского языков в конце 1930-х гг. письменности, учреждений культуры и образования, работающих на родных языках. Миграционные волны «размыли» этническую среду в местах традиционного проживания карелов и вепсов, способствовали их быстрой ассимиляции в результате широкого распространения межнациональных браков. В годы перестройки по инициативе карельской и вепсской общественности была воссоздана карельская и вепсская письменность, были созданы условия для их изучения, использования СМИ и культурной деятельности. До конца 1990-х гг. карельская и вепсская общественность являлась основным инициатором и актором всей деятельности по возрождению своих языков и культур.

Ключевые слова: карелы, вепсы, финны, этнонациональная политика.

Формирование этнонациональной политики Карелии в постсоветский период проходило на фоне кардинальных изменений в общественной жизни страны, следовавших за периодом перестройки. На фоне демократических преобразований в сфере межнациональных отношений, основная идеология которых была предложена Пленумом ЦК КПСС 19–20 сентября 1989 г. в «Платформе по национальной политике в современных условиях», каждая из республик вырабатывала свои программы национального возрождения [Материалы Пленума 1989: 212].

¹ Исследование велось по Программе фундаментальных научных исследований РАН «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России», подпрограмма «Культурно-сложные общества: понимание и управление».

По материалам социологических исследований к концу 1990-х гг. республики по социальной динамике титульных национальностей и остального населения подразделялись в основном на три группы. Сходную динамику (развивались вместе и вровень) имели Татарстан, Адыгея, Горный Алтай, Хакасия, Карачаево-Черкесия. Опережающее развитие (по доле занятых высококвалифицированным трудом среди титульных народов, доле их представителей в органах власти) наблюдалось в Саха (Якутии), Бурятии, к ним приближалась также и Калмыкия. Карелия входила в список республик (Дагестан, Кабардино-Балкария, Мордовия, Тува, Удмуртия, Чувашия), где титульные народы находились в стадии «догоняющего развития» [Дробижева 2003: 10].

В целом, несмотря на общую для конца 1990-х гг. идеологию процесса демократизации в сфере национальных отношений, появление на федеральном уровне соответствующей законодательной базы, процесс формирования этнонациональной политики в регионах шел разными темпами. Это зависело от многих причин: стартовых условий, в которых находились те или иные народы накануне периода демократизации, их статуса в существовавшей иерархии народов, задач, которые выдвигались национальными движениями, и активности их действий в целях защиты своих интересов, характера их взаимоотношений с региональной властью, реакции местных элит на изменение курса в национальной политике в конце 1990-х гг.

К оценке стартовых условий: наследство из прошлого

Карелия к периоду перестройки по многим характеристикам этнического развития значительно отличалась от других автономных республик страны. Как известно, жизнеспособность народов наиболее зримо видна сквозь призму его демографического состояния, которое является результатом длительного воздействия политических, экономических, культурных факторов. В конце 1990-х гг. демографическая ситуация у карелов являлась крайне неблагоприятной. По данным переписи 1989 г. карелы оказались самым малочисленным народом, имеющим свою республику, с самой низкой долей титульного этноса (10%), язык которого являлся бесписьменным.

Убыль карельского населения в стране началась после 1939 г. В России численность карелов с 1939 по 1989 г. уменьшилась вдвое – с 250 до 125 тыс. человек, а в Карелии – на четверть – с 108 до 79 тыс. Еще более высокими темпами – почти в три раза – за тот же период в стране сократилась численность вепсов – с 32 до 12 тыс. и финнов – с 139 до 47 тыс. человек

[Всесоюзная перепись 1992: 57–59]. В Карелии в конце 80-х гг. XX в. проживало 6 тыс. вепсов и 18,4 тыс. финнов [Национальный состав 1990: 51, 104]. В основном это были финны-ингерманландцы, выселенные в разные годы со своей родины – пригородных районов Ленинградской области.

Карелия резко отличалась от большинства республик «неукорененностью» своего населения. Доля лиц, проживающих в месте своего рождения, в городах равнялась 51 %, а на селе – 36 % [Что нужно знать 1999: 137]. Большинство карелов (61,8 %), вепсов (65,3 %) стали горожанами [Итоги 1990: 18]. Карелия в 1989 г. занимала второе место в СССР по удельному весу этнически-смешанных браков (36,3 %) и была единственной республикой, где их доля на селе была выше, чем в городе [Бирин 2003: 218]. Семей, в которых муж и жена были карелами, оказалось всего 7,6 %, а средний размер однонациональной семьи составлял всего 2,9 человека [Численность населения 1991: 57, 62]. К концу 1980-х гг. каждый второй брак, заключенный женихом или невестой карельской национальности в течение года в сельской местности, и каждые три брака из четырех в городах были межнациональными. Межнациональная брачность стала основным каналом языковой, а следом и этнической ассимиляции.

В конце 80-х гг. XX в. немногим более половины карелов и трети вепсов считали свой язык родным. Особенно тревожной выглядела ситуация среди детей до 14 лет. Родным карельский язык был назван родителями у одного из девяти, вепсский – у одного из тридцати, у финнов – у одного из тринадцати детей. У их родителей, 20–39-летних карелов, родным считала язык своей национальности треть, у вепсов – только пятая часть [Клементьев 2013б: 154]. Эти данные говорили о уже состоявшемся разрыве межпоколенных связей, затрудняющем передачу родных языков через семейное воспитание.

Ассимиляционные потери вели к сильному старению коренных народов. В 1989 г. средний возраст русских в Карелии составлял – 33,3, карелов – 39,6, вепсов – 45,9, финнов-ингерманландцев – 43,1 года [Некоторые показатели 1993: 7]. По уровню образования карелы и вепсы занимали последние места в республике. Среди населения Карелии лиц с высшим образованием насчитывалось 10 %, а у карелов и вепсов – около 6 % [Основные показатели 1991: 4]. Доля карелов, занятых преимущественно умственным трудом, оказалась 27 %, в среднем по республике – 32 % [Численность населения 1991: 62]. Перспективы для социального роста карелов были слабые: среди студентов республиканских вузов карельская молодежь составляла лишь 7,4 % [Основные показатели 1991: 48].

По заключению специалистов положение карельского народа в конце 80-х гг. XX в. в сравнении с другими титульными этносами России выглядело как самое сложное. Подчеркивалось, «что хотя пока этнос не подорван окончательно, однако при сохранении нынешних тенденций он может быть ассимилирован в течение 3–4 поколений» [Что нужно знать 1999: 140]. Ситуация с вепсами и финнами Карелии, еще более обрусевшими и имеющими по сравнению с карелами более старое по возрасту население, вызывала серьезные опасения за их дальнейшее существование как этнических общностей.

Таким образом, накануне перестройки стартовые условия для национального возрождения, которое проходило во всех республиках, в Карелии были крайне неблагоприятными.

Первыми открыто об угрозе полной ассимиляции коренных народов республики заговорили представители национальной интеллигенции. Роль средств массовой информации на данном – «просветительском» этапе (1987–1990 гг.) оказалась очень важной в формировании общественного мнения о проблемах этнического развития прибалтийско-финских народов Карелии. Представители гуманитарных наук – историки, фольклористы, этнографы, языковеды – составили самую активную часть «пропагандистов» за возрождение своих народов. При этом у каждого из этих народов были свои болевые точки исторической памяти: у карелов и вепсов ликвидация в конце 1930-х гг. письменностей²; у финского населения республики политические репрессии 1930–1950-х гг. и их последствия³. Национальная интеллигенция являлась инициатором проведения двух крупнейших форумов – Петрозаводского регионального межведомственного совещания «Вепсы: проблемы развития экономики и культуры в условиях перестройки» (28–29 октября 1988 г.) [Вепсы 2007: 17] и научно-практической конференции «Карелы: этнос, язык, культура, экономика» (25 мая 1989 г.) [Карельское национальное движение 2009: 20–25]. Рекомендации данных форумов стали основой программ деятельности общественных организаций, сформировавшихся из их организаторов и сторонников. Они учитывались и органами власти при формировании национальной политики в Карелии. В сентябре 1989 г. Президиум Верховного Совета Карелии зарегистрировал «Общество карельской культуры» и «Общество вепсской культуры»,

² Материалы прессы, заявлений, программ возрождения по карелам см.: [Карелы 2005], по вепсам см.: [Вепсы 2007].

³ Документы о репрессиях финского населения СССР см.: [Ингерманландские финны 2006].

в декабре – «Ингерманландский Союз финнов Карелии». По оценке экспертов данные организации на рубеже 1980–1990-х гг. являлись самыми заметными и влиятельными общественными формированиями в республике, показав пример самоорганизации [Цыганков 1996: 42]. Их просветительская деятельность по национальным проблемам, вызывавшая интерес у значительной части населения республики, оказала существенное влияние на процессы демократизации общественной жизни, способствуя становлению гражданского общества [Клементьев 1996: 62].

Совет Министров КАССР 20 апреля 1989 г. утвердил подготовленные в ИЯЛИ Карельского филиала АН СССР в 1987 г. алфавиты – вепсского (авторы Н. Г. Зайцева, М. И. Муллонен) и карельского (ливвиковское наречие, автор Л. Ф. Маркианова) языков. В ноябре 1990 г. Коллегия министерства народного образования Карельской АССР утвердила «Программу обновления и развития национальной школы в Карельской АССР на 1991–1995 гг.» [Программа 1991]. Принятие данных решений свидетельствовало о завершении полувекowego бесписьменного периода карельского и вепсского языков.

Одной из самых актуальных тем стало переосмысление истории Карелии, в которой искали истоки столь уязвимого современного состояния коренных народов Карелии. Наибольшее внимание в этой связи привлекает история создания в 1920 г. карельской автономии – Карельской Трудовой Коммуны (с 1923 г. – Автономная Карельская ССР, с 1937 г. – Карельская АССР).

КТК создавалась по инициативе «красных финнов» – революционеров из Финляндии, потерпевших поражение в социалистической революции 1918 г. и вынужденных переехать в Россию [Всекарельский съезд 1990: 257–259]. КТК по решению В. Ленина возглавил Э. Гюллинг, доктор философии, депутат финского парламента, один из руководителей революционного правительства.

Историография «финского периода» истории Карелии, как зарубежная, так и отечественная, обширна. Ведущими темами являются исследование истории становления КТК, роли внешнеполитических факторов в ее создании и развитии, судьбе финской диаспоры в России, языковой политике⁴. Неоднозначно оцениваются последствия деятельности финнов, стоявших во главе руководства Карелии для этнокультурного развития карелов и вепсов. В период перестройки история «красных финнов» в Карелии вышла за пределы научных исследований, став

⁴ Ю. Килин, А. Бутвило, Маркку Кангаспуру, П. Кауппала и др., судьбе финской диаспоры в России – И. Такала. Последний по данной теме сборник: [Карелия – приграничный регион 2018].

темой для дискуссий в прессе по истории советского периода Карелии [Кангаспуро 1997; Карельское национальное движение 2018: 180–190].

Решение правительства России о передаче Э. Гюллингу и его соратникам управления приграничным регионом кроме веры в неизбежность мировой социалистической революции опиралось на тесные и давние связи между финскими социал-демократами и большевистским руководством Советской России. Многим российским революционерам приходилось скрываться от преследований царской власти в Финляндии. По подсчетам историков, В. И. Ленин бывал в Финляндии 26 раз и провел здесь в общей сложности около трех лет [Коронен 1968: 3]. Финляндия являлась транзитной зоной и для его поездок в Европу. Э. Гюллинг как вице-председатель Совета народных уполномоченных революционного правительства Финляндии играл одну из центральных ролей при заключении договора 1 марта 1918 г. в Петрограде «Об укреплении дружбы и братства между Финляндской Социалистической Рабочей Республикой и правительством Советской России», который с российской стороны был подписан В. И. Лениным, И. В. Сталиным и Л. Д. Троцким [Россия и Финляндия 2017: 211–217]. После поражения социал-демократической революции Э. Гюллинг, доказывая, что революционеры действовали в национальных интересах Финляндии, писал, что они стремились путем переговоров с Советской Россией к обмену «близко расположенных к Петербургу дач» на Олонецкую и Беломорскую Карелию, в результате чего «Финляндия приобрела бы значительные территории и естественные границы» [Левковс 1995: 24–25]. Среди финской политической элиты, независимо от классовых убеждений, была весьма распространенной идея «Великой Финляндии» – государства, объединяющего местности, населенные финно-угорскими народами. В разное время его пределы мыслились по-разному. Более реалистично настроенные политики между Первой и Второй мировыми войнами ограничивались намерениями о включении в состав Финляндии Карелии и Ингерманландии, Кольского полуострова, но Карелия мыслилась как ее неотъемлемая часть [Мусаев 2004: 84–85].

Создание Коммуны преследовало и политические цели, которые сейчас представляются утопическими: примером своего успешного развития воспламенять сердца трудящихся желанием достижения коммунизма и тем самым ускорить приход мировой социальной революции в Финляндию и страны Скандинавии. Основу экономического развития Коммуны должны были обеспечить богатые природные ресурсы, в первую очередь лесные, и энергичное, компетентное руководство [Всекарельский съезд 1990: 69].

Принятию решения советским правительством о создании Коммуны помогли и обострение обстановки в Северной Карелии, где в 1920 г. усилилось движение за образование независимого карельского государства. В с. Ухта 21–22 марта 1920 г. прошел съезд представителей карельских волостей, принявший решение об отделении их от России [Там же]. И хотя уже в мае следующий съезд карельского народа принял резолюцию о сохранении Карелии в составе России, необходимо было решить карельский вопрос в соответствии с проводимой практикой национально-государственного строительства. Создание карельской автономии, как предполагалось, должно было приостановить сепаратистские устремления и помочь заключению мирного договора между Финляндией и Россией, подготовка которого велась с весны 1919 г. В нем предполагалось отразить и вопросы положения карелов и ингерманландцев в России.

Создание Карельской Трудовой Коммуны опиралось на ст. 11 Конституции РСФСР, которая предусматривала, что в областях, отличающихся особым бытом и национальным составом населения, могут быть созданы автономные образования, входящие в состав РСФСР на началах федерации. Согласно постановлению Президиума ВЦИК от 8 июня 1920 г. в ее состав передавали местности, населенные карелами в Олонецкой и Архангельской губерниях. Решение ВЦИК было одобрено Всекарельским съездом представителей трудящихся карел, который прошел 1–3 июля 1920 г. в г. Петрозаводске и подтвердил свою связь с Россией [Там же: 74].

Задачи, поставленные перед КТК в экономическом и политическом развитии, требовали значительно большей территории и трудовых ресурсов, чем определялось постановлением ВЦИК. Поэтому руководство КТК в сложнейшем противостоянии с органами власти Олонецкой губернии добилось в 1922 г. ее упразднения. После преобразования КТК в 1923 г. в Автономную КССР ее территория увеличилась за счет присоединения местностей, населенных русским и вепским населением. По данным переписи 1920 г. население КТК составляло около 147 тыс. человек: из них около 85 тыс. человек (60%) – карелы, 37% – русские. В 1926 г. ситуация оказалась прямо противоположной: карельское население составляло 100,8 тыс. человек, или 37,4% от всего населения республики (269,7 тыс. человек), вепское – 8,6 тыс., или 3,2%, и финны – 2,5 тыс., или 0,9% [Покровская 1978: 43].

Время «финского правления» (1920–1935 гг.) совпало с периодом активного национально-государственного строительства, который традиционно рассматривается исследователями как этап реализации в стране ленинской национальной политики. Механизмом ее проведения стала

принятая на XII партийном съезде в 1923 г. тактика «коренизации», включавшая целую систему мер, направленных на формирование местной национальной элиты и просвещение прежде «отсталых» народов с целью приобщения их к делу социалистического строительства и обеспечения им равенства с передовыми нациями. Коренизация предусматривала создание письменности для ранее бесписьменных народов, введение преподавания в школах на родных языках, перевод делопроизводства на местные языки, вовлечение «националов» в сферу управления, формирование национального пролетариата.

Часть современных политологов, рассматривающих полиэтничность страны как фактор, ослабляющий ее стабильность, полагает, что разрушившая СССР идея национального самоопределения была «вскормлена» именно на недолговременной, но результативной политике коренизации. По их мнению, она стала не только «основой национального возрождения», но и «заложила семена будущих межнациональных раздоров», эхом отозвавшихся в конце 1980-х гг. мощной волной национальных движений [Что нужно знать 1999: 478]. При всей примитивности такой трактовки причин развала СССР, коренизация, несомненно, сыграла важнейшую роль в становлении национального самосознания титульных народов, развитии их культуры и образования, формировании национальной интеллигенции в союзных и в автономных республиках. Не случайно демократизация в сфере национальной политики в период перестройки началась с лозунга «назад в прошлое», где время «коренизации» рассматривалось как наиболее успешный этап решения национальных проблем в стране. Для многих нерусских народов страны, значительно менее готовых к восприятию идей национального возрождения, чем карелы, период коренизации являлся фундаментом для их этнического развития, который не был заложен у карелов и вепсов Карелии. Финское руководство Карелии, стремясь создать себе более прочную социальную базу, активно проводило политику привлечения финского населения из-за пределов Карелии. В 1929 г. оно получило одобрение Политбюро ЦК ВКП(б) своей инициативы о поселении в Карелии американских финнов [Левкоев 1994: 101]. Финская диаспора с 1920 г. к 1933 г. увеличилась в Карелии с 0,5 до 12 тыс. человек, среди которых около половины составили финны-эмигранты из Финляндии, США, Канады [Устная история 2007: 5].

В отличие от политики центра по проведению на местах всей культурно-образовательной работы на родных языках, в Карелии языковая политика, выступающая в официальных документах как «карелизация», фактически являлась «финнизацией». Руководство Карелии, возглавляемое Э. Гюллингом, не стало придерживаться решения Всекарельского съезда

трудящихся карелов о равном использовании в КТК трех языков: родного, финского и русского. Через год на II Всекарельском съезде Советов в октябре 1921 г. оно было пересмотрено: создание карельской письменности признавалось «ненужным и невыполнимым делом». Языками просвещения и делопроизводства объявлялись «для русских – русский язык, для карелов – русский и финский – в зависимости от того, на каком карелы в тех или иных местах хотят обучаться». Е. И. Клементьев, комментируя такое решение с осознанием невозможности изменить прошлое, писал: «Только советская национальная политика могла родить такой парадокс: карельский язык, сыгравший исключительно важную роль в развитии финской литературной традиции, познакомивший мировую общественность с „Калевалой“, оказался неспособным поднять духовный и культурный уровень своего народа», стать основой его просвещения [Клементьев 2013а: 58]. В числе причин отказа от создания карельской письменности указывалось наличие значительных диалектных различий в карельском языке.

В 1923 г. при преобразовании КТК в АКССР вторым официальным языком республики наряду с русским в Карелии был утвержден «карело-финский язык», реально роль которого исполнял финский язык [Советы Карелии 1993: 100]. В проекте Конституции АКССР, подготовленном Э. Гюллингом, *карельско-финский и русский языки* признавались равноправными государственными языками в пределах АКССР [Конституция 1926: 3]. Термин «карело-финский» делал менее заметным курс на финнизацию карельского и вепсского населения республики. В печати и документах это преподносилось как «карелизация».

В августе 1929 г. финский язык был утвержден в местах традиционного проживания карельского населения как единственный язык делопроизводства и обучения [История Карелии 2001: 494]. Обучение на финском языке среди карельского населения значительно успешнее проходило в северо-западных районах: Ухтинском, Ребольском, Кестеньгском, Ругозерском, где местные диалекты карельского языка наиболее близки к финскому литературному языку, на котором велась вся культурная работа. По заявлению ее идеологов, в южной Карелии, и особенно у вепсов, они столкнулись с трудностями [Ровио 1931: 19]. В июле 1935 г. в газете «Вепсская правда» Винницкого национального района Ленобласти, где языком обучения в начальной школе являлся родной язык, была опубликована статья Э. Гюллинга «Нам помогли Ленин и Сталин», где он, стремясь объяснить обучение карелов и вепсов на финском языке в Карелии, писал, что такое решение принималось с одобрения тов. Сталина [Гюллинг 1935].

Политика «коренизации» официально стала подвергаться пересмотру уже в середине 1930-х гг. Как полагают, он начался с заявлений И. В. Сталина в его Отчетном докладе на XVI съезде ВКП(б), состоявшемся в январе 1934 г., о том, что местный национализм не менее опасен, чем великодержавный русский шовинизм [Мусаев 2007: 85]. Жертвами начавшейся борьбы с «местным/буржуазным национализмом», в первую очередь, становилась управленческая элита и нарождающаяся интеллигенция нерусских народов, реализующая политику «коренизации».

В конце октября 1935 г. Э. Гюллинг был отстранен от руководства республики и отправлен на научную работу в Москву. Языковая политика в Карелии резко меняется. Прекращается преподавание в школах на финском языке. Финнизация подвергается жесткой критике и позднее станет основой для масштабных репрессий против финского населения Карелии, в числе жертв которых окажется и Э. Гюллинг [Белоусов 2010: 110].

С 1936 г. начинается реализация идеи Д. В. Бубриха о создании единого письменного языка для всех карелов страны [Нагурная 2015]. По времени эта работа совпала с началом периода делатинизации алфавитов народов СССР, что осложнило этот процесс. Перевод школ с карельским и вепсским составом учащихся начался только осенью 1937 г. Происходило это уже после принятия 17 июля 1937 г. первой Конституции Карельской АССР. В ней хотя и не было введено понятие государственных языков, предписывалось публиковать все решения органов власти, вести судопроизводство, использовать надписи на флаге и гербе на трех языках – карельском, финском и русском – и провозглашалось, что право на образование обеспечивается и «обучением в школах на родном языке» [Конституция 1937: 12, 25, 33–34]. В апреле 1938 г. Карельский обком партии обратился с секретным письмом к И. В. Сталину с просьбой «исключить финский язык из числа государственных языков КАССР и внести соответствующие изменения в Конституцию КАССР» [Советы Карелии 1993: 200–201]. Разрешение на изъятие положений о финском языке из Конституции было получено, и в июле 1938 г. из всех статей Конституции упоминание о финском языке было снято. Официальными языками КАССР до решения ее преобразования в Карело-Финскую ССР в июле 1940 г. являлись русский и карельский [Там же: 521].

После советско-финляндской войны 1939–1940 гг. КАССР преобразуется в союзную Карело-Финскую ССР. Единый карельский язык, утвержденный 10 февраля 1938 г. приказом Народного комиссара просвещения РСФСР, был отменен. Вторым официальным языком наряду с русским снова стал финский язык. По мнению Г. М. Керта, это говорило о том, что

«в геополитических планах И. Сталина было воссоединение Финляндии с „финноязычной“ Карелией» [Керт 2000: 80]. Наступление второго периода «финнизации» в Карелии вепские школы не затронуло. Карельская и вепская письменность была запрещена как в Карелии, так и за ее пределами. Это политическое решение явилось сильным ударом по будущему карельского и вепского народов. После завершения в 1930-х гг. массовых репрессий против проводников коренизации во всех республиках, кроме Карелии, и даже у части малочисленных народов сохранялось использование языков титульных народов в образовании, на них издавалась художественная литература, что являлось основой для формирования национальной интеллигенции. Ее наличие и зрелость являлось показателем этнической консолидации народа. Это особенно проявилось в перестроечные годы.

В сфере административного управления все нормы по использованию языков в таком же объеме, как и предусмотренные Конституцией 1937 г., были оставлены в Конституции КФССР лишь за финским и русским языками [Конституция 1940: 7, 15, 19, 20].

В период оккупации финской армией части территории Карелии во время Великой Отечественной войны обучение вепских и карельских детей проводилось на финском языке [Веригин 2017: 33]. После войны финский язык преподавался как предмет в г. Петрозаводске и школах карельских районов. Возвращение Карелии в 1956 г. прежнего статуса автономной республики не изменило положения дел. Роль национального языка, как необходимого атрибута автономной республики, осталась за финским языком.

Политические расчеты высшего руководства страны, стоявшие в основе преобразований карельской государственности, не без оснований, считают «самым ярким примером голого администрирования в решении национальных вопросов за все время существования Советского Союза» [Вихавайнен 1998: 13].

В условиях жесткого административного управления из центра, периодически усиливающегося при возникновении политического или военного обострения отношений между Финляндией и СССР, карелы не смогли противостоять политике этнической ассимиляции. Известный карельский писатель Якко Ругоев по этому поводу написал: «Жили по известной житейской заповеди, выраженной в старой народной пословице: „под какой елкой живешь, ту елку и слушаешь“» [Ругоев 1995: 344]. Таким же было отношение к этническому развитию карелов и руководителей республики. Председатель Совета Министров КФССР П. С. Прокконен в своей речи на III сессии Верховного Совета КФССР

24 апреля 1956 г. необходимость преобразования республики в автономную объяснил изменением национального состава населения республики: «...нынешнее построение Карело-Финской ССР не соответствует национальному составу населения, и поэтому следует преобразовать республику из союзной в автономную и в связи с этим назвать ее Карельской Автономной Советской Социалистической Республикой... В результате роста количества населения в нашей республике за счет переселения для работы в лесной промышленности, главным образом, русских и других национальностей, удельный вес коренного населения значительно сократился. По предварительным данным из 615 тысяч человек населения, проживающего в Карело-Финской ССР, карел и вепсов насчитывается около 110 тысяч человек, или 17,8 процента, финнов немногим более 13 тысяч человек, или 2,2 процента из общего состава населения. Около 80 процентов населения республики составляют другие национальности и, главным образом, русские. При этом надо иметь в виду, что удельный вес коренного населения и в дальнейшем будет уменьшаться, так как все возрастающий объем промышленного производства, особенно лесной, бумажной и деревообрабатывающей промышленности будет требовать притока значительного количества населения в нашу республику из других братских республик Великого Советского Союза» [Третья сессия 1958: 3]. Отсутствие письменности у карелов ставило их на уровень «социалистической народности» в существовавшей в то время иерархии этнических общностей [Пименов, Тароева 1970: 246].

Негативное влияние политических решений на этническое развитие карелов было усилено последствиями экономической политики Центра, направленной на интенсивную, по сути, колонизаторскую эксплуатацию лесных ресурсов края. В республику привлекалась значительная по объему дополнительная рабочая сила. Численность этнически близких переселенцев – финнов, ингерманландцев, тверских карелов, вепсов – оказалась намного меньше планируемой. Основную часть мигрантов составили русские, белорусы и украинцы. С 1939 по 1989 г. население Карелии удвоилось и составило 790 тыс. человек. Миграционный поток охватывал и ареалы исконного проживания коренных народов. Во вновь возводимые поселки стягивалось карельское и вепское население, преимущественно молодежь, что создавало почти повсеместно этнически-смешанную среду, способствующую широкому распространению межнациональных браков. Уже в 1960-е гг. в этнически смешанных семьях, если один из родителей был русским, детей, как правило, «записывали»

русскими. В карельско-белорусских и карельско-украинских семьях детей «записывали» карелами [Там же: 238].

До конца 1960-х гг. сохранялся строгий запрет на обсуждение проблем развития карельского и вепсского языка, хотя их научное исследование возобновилось. Особенно активно сбор полевого материала по вепсскому и карельскому языкам проводился в 1960–1970-е гг. Г. М. Керт писал, что «поощрялась работа по карельской и вепсской диалектологии, однако ни словом нельзя было заикаться о письменностях для этих народов» [Керт 2000: 76].

Первые обзорные статьи об истории карельской письменности А. П. Баранцева [Баранцев 1967: 89–103] и вепсской – М. И. Муллонен [Муллонен 1967: 105–109] появились в 1967 г. В них не просматривалась возможность восстановления письменной традиции. Для того времени исследователям важно было рассказать о ее былом существовании. Как позднее писала М. И. Муллонен, после запрета вепсской письменности в 1937 г. «в течение полу столетия никто не осмеливался даже заикнуться о том, чтобы восстановить прерванный процесс» [Муллонен 2002]. Весьма пессимистическим у А. П. Баранцева выглядит и взгляд на будущее карельского языка. По его мнению, если учесть, что по переписи 1939 г. 85 % населения Карельской АССР в возрасте от восьми лет было грамотным по-русски, то «эксперименты с единым карельским языком начались слишком поздно и мало что дали карельскому населению автономной республики». Финский язык, «оставаясь по-прежнему вторым письменным языком населения Карельской АССР... не имеет широкого распространения и существенного значения среди карельского населения республики... Финский литературный язык не привился и не получил распространения среди карельского населения республики. Но его нельзя рассматривать как национальный письменный язык карельского народа» [Баранцев 1967: 104]. Решение о создании в конце 30-х гг. XX в. единого карельского языка запоздало – считали А. П. Баранцев и ведущие этнографы Карелии В. В. Пименов и Р. Ф. Тароева. По их мнению, «карельский язык в быту остается важнейшим средством общения карелов, которые, впрочем, в подавляющем большинстве двуязычны, а в северной Карелии некоторая часть их трехязычна. Карельский язык – это, наконец, язык фольклора и отчасти художественной самодеятельности». В республике единственным языком общения и административной работы является русский язык. Финский язык употребляется некоторой частью финского населения и очень немногими карелами как средство общения в быту (семейной жизни), хотя имеется право его использо-

вания за любым жителем республики, но «в действительности потребность в этом почти не возникает» – заключают авторы статьи [Пименов, Тароева 1970: 236]. Это подтверждали и высокие показатели языковой ассимиляции у финского населения Карелии по переписи 1989 г., несмотря на существование всех необходимых культурных институтов, поддерживающих развитие финского языка (пресса, радио, театр, обучение в вузе). Круг интеллигенции, которая обслуживала работу учреждений на финском языке, и создатели профессиональной культуры – писатели, выходцы из северной Карелии Якко Ругоев, Ортье Степанов, Антти Тимонен – составляли творческую часть интеллигенции республики. В период процесса возрождения, в отличие от других республик страны, где представители писательской общественности становились лидерами национального движения, карельские писатели первоначально выступили против восстановления карельской письменности. Это обстоятельство ослабляло карельское движение, вызывало споры внутри сообщества [Карелы 2005]. Возникла дилемма: какой язык – карельский или финский – должен быть в Карелии государственным? Отсутствие по этому поводу четкой позиции к началу работы избранного в марте 1990 г. на первых альтернативных выборах Верховного Совета КАССР, где с мая по август 1990 г. обсуждалась Декларация о государственном суверенитете КАССР (далее Декларация), не позволило в ней указать карельский язык государственным⁵. В других республиках указание в Декларациях их титульных языков государственным почти автоматически переносилось в конституции республик, что обуславливало подготовку соответствующих республиканских законов об их использовании в качестве государственных. Первый съезд карелов, где было принято обращение к Верховному Совету Карелии о придании карельскому языку статуса государственного, состоялся 28–29 июня 1991 г., почти через год после принятия Верховным Советом Карельской АССР Декларации о государственном суверенитете КАССР [Карельское национальное движение 2009: 61–62]. С началом деятельности в 1991 г. в республике Карельской региональной общественной организации «Карельское движение» и продолжившего его политику «Карельского конгресса», выступавших за признание государственным финского языка, разногласия среди карельской общественности по этому поводу усилились. По мнению А. С. Григорьева, возглавлявшего Карельское движение и Карельский конгресс, государственным языком в Карелии

⁵ Проекты Деклараций о государственном суверенитете Карельской АССР и ход их обсуждения см. [Карельское национальное движение 2018: 10, 11, 25–28].

должен быть финский⁶. Исполнительный орган Съезда карелов – Совет уполномоченных съезда карелов и «Общество карельской культуры» (с 1991 г. Союз карельского народа) на всех своих съездах, которые проводятся через четыре года (последний состоялся в 2016 г.), продолжает выступать за придание карельскому языку статуса государственного.

Отсутствие решения о государственном языке в Карелии в начале 1990-х гг. связано и с нерешительностью партийного руководства Карелии в продвижении идей, сформулированных в «Платформе по национальной политике в современных условиях».

В деятельности формирующихся общественных движений не принимали участие влиятельные представители карельской национальности из партийной и государственной номенклатуры. Как показывает вся предшествующая история карельской государственности, в республике практически полностью отсутствовала национально-ориентированная элита. Считалось, что голосом карельского народа были писатели из северной Карелии, пишущие на финском языке, весьма авторитетные и близкие руководству республики.

Отношение партийного и советского руководства Карелии к национальным проблемам

О восприятии в Карельском обкоме КПСС происходящих в период перестройки в республике событий свидетельствует письмо В. С. Степанова – Секретаря Карельского обкома КПСС, направленное 30 декабря 1988 г. в ЦК КПСС «О ходе подготовки Карельской областной партийной организации к Пленуму ЦК КПСС „О совершенствовании межнациональных отношений в СССР“». Оно имеет гриф «Секретно», хотя в течение 1988 г. в связи с проведением в Карелии в октябре регионального межведомственного совещания «Вепсы: проблемы развития экономики и культуры в условиях перестройки» в печати активно обсуждались вопросы по проблемам этнического развития вепсов и карелов. Проведение совещания в письме подается как работа Обкома. Интересен абзац, в котором изложена проблема с отсутствием карельской и вепсской письменностей: «Несмотря на то, что в Карельской АССР, характеризующейся прочными интернациональными традициями, межнациональные

⁶ Запись о прекращении деятельности Карельской региональной общественной организации «Карельский конгресс» была внесена в Единый государственный реестр юридических лиц 03.11.2015 г. О деятельности «Карельского движения» и «Карельского конгресса» см. [Карельское национальное движение 2018].

отношения в условиях многонационального населения развиваются без какого-либо этнического напряжения, нельзя утверждать, что в республике не существует национальных проблем во всей их реальности и противоречивости. Прежде всего, это вопрос, почему у карельского народа, насчитывающего только в самой Карелии более 80 тысяч человек, имеющего глубокую историю, самобытную культуру, богатый опыт, нет своей письменности. Не имеет своей письменности и другая народность, проживающая в Карелии, – *вепсы*». Ликвидация этих письменностей признается одной из ошибок национальной политики конца 30-х гг. При перечислении мер, которые проводятся в республике по их устранению, говорится, что «завершена работа над созданием вепсского алфавита, букваря, в Шелтозерской средней школе второй год ведется преподавание вепсского языка... проводится работа по восстановлению карельской письменности на основе ливвиковского диалекта. Создан алфавит, подготовлен букварь, свод орфографических правил... министерство народного образования готовится в 1989–1990 учебном году в экспериментальном порядке начать преподавание карельского языка в школах Олонецкого и Пряжинского районов». В заключение идут заверения, что «демократизация общественных отношений позволяет выявить противоречия и проблемы в развитии народностей Карелии и своевременно их решать... карельский обком продолжит работу по дальнейшему изучению, совершенствованию межнациональных отношений в республике, рассмотрит в 1989 году эти вопросы на заседаниях бюро и пленуме»⁷.

В письме не затрагивался важнейший вопрос об утверждении карельской и вепсской письменностей, проекты алфавитов которых были подготовлены в ИЯЛИ еще в 1987 г. Как показывает переписка Министерства просвещения и Совета Министров республики 1987–1988 гг. (письмо старшего референта Министерства просвещения Карельской АССР от 13.08.1987 г.) по вопросу утверждения вепсского алфавита, принятие решения министерством было приостановлено из-за того, что «эта проблема идеологического характера и должна решаться в Карельском обкоме... в обкоме изучается представленный материал и требует длительной проработки» [Строгальщикова 2005: 277]. Проработка длилась почти два года. Ситуация долго оставалась неопределенной: формально карельская и вепсская письменности не были утверждены, а преподавание карельского и вепсского языков велось уже в нескольких школах. Не сообщалось в письме В. С. Степанова и о работе по созданию в Карелии вепсского национального района, хотя им такое предложение

⁷ Письмо опубликовано: [Строгальщикова 2016: 175–177].

вепсской общественности было поддержано⁸. В мае 1988 г. он обратился в ЦК КПСС с просьбой рассмотреть этот вопрос. Решение о создании национальных районов как экспериментальных для вепсов Карелии, Ленинградской и Вологодской областей 4 июля 1989 г. было подписано М. С. Горбачевым⁹. Решением бюро Карельского обкома от 11 августа 1989 г. «разъяснительная и массово-политическая работа, проведение сходов населения вепсского края по созданию Шелтозерского национального района на базе Шелтозерского, Шокшинского и Рыборецкого сельских советов поручалась Прионежскому райкому и Прионежскому райисполкому». Выбор «отцов основателей» был неудачен. Некоторые варианты организации будущего района не ограничивались выделением трех вепсских сельских советов из состава Прионежского района, но предусматривали его упразднение как самостоятельной административной единицы. Принятие решения затянулось.

Обещанный пленум «по совершенствованию межнациональных отношений» в Карелии, единственной из всех автономных республик, не был проведен. Очевидно, это было связано с итогами первых альтернативных выборов народных депутатов СССР, которые прошли 26 марта 1989 г. В Карелии из 71 кандидата только 13 являлись представителями коренных народов (9 карелов, 2 вепса и 2 финна). Из них поддержку на окружных собраниях получили только 5. Все они выборы проиграли, в том числе и первый секретарь Карельского обкома КПСС В. С. Степанов. Предостережение о возможности утраты представительства малочисленных народов при проведении альтернативных выборов, что с тревогой обсуждалось на сентябрьском Пленуме ЦК КПСС при рассмотрении «Платформы по национальной политике в современных условиях», стало в Карелии реальностью. Карельская творческая элита – Я. Ругоев, О. Степанов, П. Мутанен, композитор Г. Синисало, художники В. Добрынин, К. Буторов и др. – обратились с «Открытым письмом к жителям Карелии», опубликованным 5 апреля 1989 г. в газете «Ленинская правда». В нем случившее характеризовалось как крупный срыв в интернациональном воспитании населения Карелии, нежелание «разобраться в существующих межнациональных отношениях в нашей

⁸ Предложения о создании автономного объединения вепсской народности по заданию Карельского обкома КПСС были подготовлены ИЯЛИ Карельского филиала АН СССР в апреле 1988 г. См. [Вепсы 2007: 193–195].

⁹ В ЦК КПСС считали возможным «для накопления практического опыта положительно отнестись к предложениям о создании вепсского национального района в Карельской АССР, сельских и поселковых Советов в Ленинградской и Вологодской областях» после проведения переписи 1989 г. См. [Вепсы 2007: 195–197].

многонациональной республике». Вину возложили также на мигрантов, чуждых истории и культуры края и его «первожителям». В ответе на «Открытое письмо» («Ленинская правда», 11 апреля) многие поддерживали призыв к гарантированному представительству карелов, вепсов и финнов, но выступавшие против привилегий по национальной принадлежности предложили его авторам вспомнить и о времени, когда строго соблюдалось представительство в Совете Национальностей Верховного Совета СССР карелов и финнов. «А что они дали, что сделали для земли, которая их делегировала?». В. С. Степанов в конце 1989 г. выехал из Карелии.

Руководство республики не смогло выработать механизмы для обеспечения представительства коренных народов и на предстоящих альтернативных выборах в Верховный Совет (далее ВС). Подготовка соответствующего законопроекта по внесению изменений в Конституцию КАССР и закона о выборах поручалась комиссии, назначенной Президиумом Верховного Совета. Итоги работы комиссии рассматривались на последней сессии ВС (30.10–1.11.1989 г.), избранного еще в условиях командно-административной системы, где треть депутатов представляли карелы, вепсы и финны. Как заявил председатель Президиума ВС К. Ф. Филатов, комиссия предложила образовать национальные округа по выборам в Верховный Совет КАССР и права выдвижения в них предоставлять только карелам, вепсам и финнам. Но комиссия не вынесла на сессию данное предложение, поскольку оно противоречит ст. 36 Конституции СССР [Заседание 1990: 165]. С инициативой создания парламента из двух палат – национальной и народной – выступил депутат В. Б. Чехонин. По его схеме национальную палату предлагалось сформировать после выборов, не выделяя отдельно национально-территориальных округов. Национальная палата должна обеспечивать соблюдение национальных интересов, сохранение и развитие самобытности, культуры всех наций и народностей, проживающих на территории Карелии, иметь право вето на законы, ущемляющие права лиц коренной национальности или свободу развития языка, культуры [Там же: 23]. Предложение В. Б. Чехонина было отклонено. По мнению депутата В. Е. Богданова, «нужна более серьезная проработка и принятие сегодня данного предложения преждевременно» [Там же: 31]. Комиссия ограничилась пожеланием избирателям, что «поддержка и избрание депутатами тех, чьи деловые, нравственные качества, способность защищать в ВС интересы своей нации, народности, заслуживают уважения, бесспорно, содействовали бы удовлетворению культурных и социально-экономических запросов населения той или иной территории» [Там же: 16].

Весь ход обсуждения поднятых перестройкой новых вопросов отчетливо показал общественности, что признание властными структурами проблем национальных меньшинств еще не означает готовности их решать. Попытки решения некоторых из них предпринимались с большим опозданием. Отсутствие четко и публично высказанной позиции по дискуссионным вопросам свидетельствовало, что процессами, происходящими в данной сфере общественной жизни, органы власти в то время уже не управляли. Показательно в этом отношении выступление в «Ленинской правде» 3 октября 1989 г. его редактора А. Осипова о явно затянувшейся дискуссии по проблеме карельской письменности: «Мнения, суждения, предложения повисли в воздухе, было неясно, кому они адресованы и кто их должен учитывать».

Постановление Совета Министров Карелии об утверждении алфавитов – карельского языка на латинской основе, вепсского языка в двух вариантах – на кириллице и латинской основе, как уже говорилось, было принято только в апреле 1989 г. [Строгальщикова 2005: 278].

Вопросы национальной политики в период суверенизации республики

Большим разочарованием для национальной общественности стало избрание на выборах в марте 1990 г. в Верховный Совет Карельской АССР, который впервые становился высшим органом власти республики, всего 9 карелов, 4 финнов и 2 вепсов из 120 депутатов. Их оказалось значительно меньше, чем в прежнем ВС, где по ранее существовавшей разнарядке доля «националов» составляла треть. Но численность избранных депутатов соответствовала доле их народов в населении республики. Общество вепсской культуры и Ингерманландский Союз финнов Карелии смогли провести своих представителей в ВС КАССР.

Незначительное представительство коренных народов на фоне предвыборных лозунгов о передаче реальной власти советам, возвращении Карелии статуса союзной республики или расширении ее полномочий до союзного уровня ставило в определенной мере под сомнение легитимность этих претензий к центральным властям от «национальной» республики. На первой сессии предлагалось даже сформировать национальные округа и провести довыборы в ВС 20–30 депутатов карельской, вепсской и финской национальностей. Эта тема прозвучала и в программном выступлении С. И. Кириллова, одного из претендентов на пост Председателя ВС [Первая сессия 1991: 26–28]. Он повторил идею В. Б. Чехонина о двухпалатном ВС. К подобной реорганизации депутаты оказались не готовы. Председателем ВС был избран В. Н. Степанов.

На первой сессии был поднят вопрос и о необходимости подготовки Декларации «О суверенитете Карельской республики»¹⁰. Как заявили инициаторы, «используя принцип самоопределения, Карелия должна иметь свою государственность... статус суверенной республики, равноправного партнера в Советском Союзе». Ее принятие, по мнению депутата Г. А. Киреева, должно снять двусмысленность современного положения республики, где за «ширмой автономии... с псевдопарламентом, псевдоминистрами, за этими громкими титулами по сути кроется обыкновенный облсовет» [Первая сессия 1991: 11]. Работа над декларацией началась на следующей сессии, и ее значительно ускорило принятие 12 июня 1990 г. Декларации о государственном суверенитете РСФСР на Первом Съезде народных депутатов РСФСР. Декларация, провозгласив право каждого человека на «свободное развитие и пользование родным языком, а каждому народу – на самоопределение в избранных ими национально-государственных и национально-культурных формах», дала правовую основу для принятия автономными республиками своих Деклараций о государственном суверенитете. В них многие республики заявили об отказе от статуса автономных, определили принципы взаимоотношений с центром, пути реформирования собственного государственного устройства. Ряд автономных областей в этот период приняли решение об их преобразовании в республики. Это явление, получившее несколько пренебрежительное название «парад суверенитетов», положило начало становлению новых федеративных отношений в РСФСР и стало толчком для преобразований в национально-государственном устройстве внутри регионов. Важнейшие положения деклараций вошли в обновленные тексты их конституций.

Карельская АССР была второй из автономных республик, принявшей Декларацию о государственном суверенитете [Карельское национальное движение 2018: 27–28]. В отличие от деклараций других республик она практически полностью лишена притязаний на этнический характер государственности. Носителем суверенитета и источником власти в КАССР провозглашался ее народ, что отражает скорее территориальный, а не национальный характер ее государственности. В карельской декларации не было заявлено, что КАССР как государство возникло в результате реализации права карельского народа на самоопределение или что карелы являются источником (основателем) ее государственности, не включено положение о равноправном функционировании карельского и русского

¹⁰ Тексты Декларации о государственном суверенитете Карельской АССР и обсуждаемых проектов см.: [Карельское национальное движение 2018: 25–28].

языков или о признании государственным карельского языка. В заверении, что «Республика гарантирует: соблюдение прав и свобод человека, предусмотренных общепризнанными нормами международного права, Конституцией Карельской АССР; свободное национальное и культурное развитие всех народов на ее территории; возрождение национальной самобытности коренных народов», о коренных народах упоминается в последнюю очередь и без указания, о каких из них идет речь. Такая «безликость» субъектов возрождения свидетельствовала о том, что в целом ВС довольно сдержанно относился к признанию за коренными народами республики особых прав, хотя эта тема и являлась предметом обсуждения. Декларация в этом отношении оказалась значительно менее конкретна, чем ее проект, предложенный Конституционной комиссией ВС, в котором заявлялось, что «законодательством Карельской АССР гарантируется представительство карельского, финского и вепсского народов в органах государственной власти» [Карельское национальное движение 2018: 26–27]. При его обсуждении против выступил народный депутат СССР С. В. Белозерцев, назвав аморальным положение «о благоприятных условиях для участия национальных меньшинств», скажем так, потому что придется законодательство как-то строить таким образом, чтоб благоприятные условия обеспечить [Вторая сессия 1991: 26]. Признание особого статуса коренных народов отражалось и во втором проекте Декларации, доработанном с учетом поступивших замечаний и представленном на сессию, где было записано, что «Карельская АССР учитывает особенности и создает благоприятные условия для развития карельского, финского и вепсского народов, обеспечивает их участие в органах власти республики». Но данная поправка не была поддержана депутатами [Вторая сессия 1991: 113].

Формирование правовой базы по национальной политике

В период деятельности Верховного Совета народных депутатов XII созыва (апрель 1990 – май 1994 г.) в республике были приняты решения, заложившие основу для реализации прав коренных народов на развитие своей культуры и языка, формировалось соответствующее республиканское законодательство. Основная деятельность в этом направлении проводилась комиссией по национальной политике, культуре, языку и охране исторического наследия ВС. Ее задачами были утверждены: разработка законопроектов, решений и предложений по вопросам социально-культурного развития коренных народов, обеспечивающих защиту их интересов; участие в разработке программ развития языков

и культур коренных народов; определение приоритетов государственной политики в сфере культуры [Четвертая сессия 1991: 265].

Работа началась с подготовки закона «О правовом статусе национального района, национальных поселкового и сельского советов Республики Карелия». Председатели Шокшинского, Шелтозерского, Рыборецкого сельских советов народных депутатов Прионежского района направили в адрес второй сессии официальный запрос рассмотреть на ВС их предложения о создании Вепсского национального округа [Вторая сессия 1991: 10–11]. С инициативой о придании им статуса национального выступал и Калевальский район. В марте 1991 г. в статью 71 Конституции Карелии было включено положение о возможности образования в Карелии национальных административно-территориальных единиц, а в ноябре – принят закон [Ведомости 1992 2]. Основой для его подготовки стал Закон СССР от 26 апреля 1990 г. «О свободном национальном развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих их на территории СССР» [Ведомости съезда 1990]. Национальные районы, поселковые и сельские советы создавались по итогам местных референдумов в местах компактного проживания коренных малочисленных народов (карелов и вепсов) и финнов. В соответствии с законом государственные органы власти в рамках своих полномочий обязаны были оказывать им содействие в организации охраны среды обитания, развитии культуры, искусства, традиционных ремесел и промыслов, в улучшении социально-экономического положения.

По решению местных органов власти в национальных территориях во всех сферах деятельности (образовании, культуре, делопроизводстве, работе государственных учреждений и т. д.) наряду с русским могли использоваться и языки народов, в интересах которых они создавались. Данная правовая норма была особенно важна в связи с очевидными трудностями получения карельским языком статуса государственного. Карельский язык только обрел письменность, его считали родным лишь половина карелов, а их доля среди населения республики была незначительна. Вопрос, какой из языков – карельский или финский – должен быть государственным, оставался дискуссионным даже среди карельской общественности. Поэтому одной из важных задач закона было предоставления права принятия решений по интенсивному развитию языков коренных народов в самой заинтересованной среде – в местах их компактного проживания.

Для финансирования дополнительных мер по развитию национальных языков и культуры в национальных территориях в соответствии со статьей 10 данного закона Советом Министров в мае 1992 г. был

создан Фонд национального возрождения малочисленных народов Карелии [Ведомости 1992 5]. Закон устанавливал и особые нормы представительства от национальных образований в вышестоящих органах власти путем формирования избирательных округов с численностью избирателей меньшей на одну треть, чем в округах других территорий республики.

В периодическом докладе, представленном Российской Федерацией в 1994 г. в Комитет ООН по правам человека о соблюдении Международного пакта о гражданских и политических правах, Закон Республики Карелия «О правовом статусе национального района, национальных поселкового и сельского Советов в Республике Карелия» приведен в числе аналогичных нормативных актов других субъектов РФ (Бурятия, Кемеровской области) о национально-административных единицах как пример регионального законодательства, соответствующего «международным нормам о правах человека и национальных меньшинств, поднимающих статус граждан в национальной сфере до уровня международных стандартов» [Документ]. В 1992 г. по итогам местных референдумов статус национальных получили карельский Калевальский район и вепсский Шелтозерский сельсовет [Ведомости 1992 3], а в 1993 г. – вепсские Рыборецкий и Шокшинский сельсоветы Прионежского района [Ведомости 1993]. В декабре 1993 г. депутаты вепсских сельских советов приняли решение об объединении их в единую единицу местного самоуправления – Вепскую национальную волость. Их решение было утверждено постановлением Верховного Совета РК в 1994 г. [Ведомости 1994]. Вепская волость как самостоятельное муниципальное образование получила права, равные районам и городам республики, поскольку местное самоуправление в целом по республике была организовано в границах прежних районов и городов. Попытки проведения референдумов в других местах компактного проживания карелов по приданию им статуса национальных оказались неудачными. К сожалению, возможностями, предоставляемыми данным законом, в полной мере не воспользовались и те территории, которые получили статус национальных. В Вепской волости с 1994/95 учебного года ввели преподавание вепсского языка как обязательного предмета во всех трех школах. В Калевальском районе предпочтение долгое время отдавалось преподаванию финского языка, хотя постепенно увеличивается и число изучающих карельский язык. Национальные языки очень слабо применяются в работе культурных учреждений, а попытки использования их в работе административных органов даже не предпринимались.

В первой половине 90-х гг. XX в. в республике создается сеть республиканских государственных учреждений и организаций, ответственных

за развитие карельского, вепского и финского языков и культуры: издательство «Периодика», издающее прессу и литературу на карельском, вепском и финском языках, Республиканский центр национальных культур, в 1994/95 году открылась в г. Петрозаводске Финно-угорская школа с преподаванием карельского, вепского и финского языков.

Важной инициативой комиссии стала подготовка совместно с общественными организациями ингерманландских финнов Карелии и Ленинградской области проекта Постановления Верховного Совета Российской Федерации «О реабилитации российских финнов и неотложных мерах по ее осуществлению»¹¹. Проект как законодательная инициатива был внесен Председателем Верховного Совета Республики Карелия В. Н. Степановым в 1992 г. В 1993 г. Верховный Совет Российской Федерации принял Постановление «О реабилитации российских финнов» [Ингерманландские финны 2006: 95–96]. Это политическое решение положило начало массовой миграции финского населения в Финляндию, которая на фоне продолжающейся его ассимиляции привела к значительному сокращению численности финнов в России. С 1989 по 2010 г. оно сократилось с 47,1 до 20,2 тыс., из них только 8,7 тыс. жители Карелии.

Основное внимание и усилия национальной общественности были направлены на содействие использованию карельского, вепского и финского языков в системе образования. В отличие от прежней языковой политики их противопоставления как литературных (финского) и младописьменных (карельского и вепского) все управленческие решения принимались с позиций равенства языков. С учетом норм Федерального закона «О языках народов России» от 25 октября 1991 г. в Карелии 19.03.2004 г. был принят закон Республики Карелия «О государственной поддержке карельского, вепского и финского языков в Республике Карелия» [Собрание законодательства 2004]. Определяющую роль в подготовке кадров играет Петрозаводский университет, где в 1990 г. на филологическом факультете открылась кафедра карельского и вепского языков. В 1993 г. вместе с кафедрой финского языка образовали факультет прибалтийско-финской филологии и культуры [Зайков 2002: 13]. Несмотря на многочисленные реформы в системе образования, система подготовки их в ПетрГУ сохранена, выпускники университета – специалисты по финскому, карельскому и вепскому языкам работают в учреждениях культуры, образования, СМИ. Методическое обеспечение преподавания данных языков (примерные образовательные программы, подготовка учебников, включая электронные версии, и пособий для учителей) соответствует Федеральным

¹¹ Все материалы по данной теме см.: [Ингерманландские финны 2006].

государственным образовательным стандартам на таком же уровне, как организовано преподавание языков, имеющих статус государственных. Постановлением Правительства Республики Карелия от 4 апреля 2017 г. № 182р-П утверждена Концепция развития этнокультурного образования в Республике Карелия (языки и культура карелов, вепсов и финнов) на 2017–2025 гг. В последние годы довольно устойчиво сохраняется и число изучающих карельский, вепсский и финские языки. Изменения могут произойти в 2019/20 учебном году, когда в соответствии с поправками в Федеральный закон «Об образовании» их изучение как предмета в рамках учебного плана будет проводиться по желанию родителей.

Последнее решение значительно ограничивает сферу использования государственных языков в республиках. Оно свидетельствует об углублении тенденции на унитаризацию их использования в системе образования. В первое постсоветское десятилетие и в течение нескольких предшествующих лет, рассматривающихся как революционный период, федеральная этнонациональная политика была направлена на поддержку этнокультурного развития меньшинств, что позволило в регионах, опираясь на демократические преобразования, создать соответствующее законодательство. Оно составляло основу для законотворчества и в Карелии, принципиально изменив политику в области развития языков, местного самоуправления, механизмов взаимодействия общественности и государственных структур, содействовало решению о реабилитации финнов-ингерманландцев.

В наступившую в 1990-х гг. «эпоху стабилизации», которую связывают с правлением В. В. Путина, по инициативе которого началось приведение регионального законодательства в соответствие с федеральным, в Карелии тоже произошли изменения в этнонациональной политике. В июне 2001 г. Законодательным Собранием Республики Карелия был отменен закон «О правовом статусе национального района, национальных поселкового и сельского советов в Республике Карелия» как не соответствующий изменившемуся законодательству о местном самоуправлении [Собрание законодательства 2001]. Попытка Правительства Карелии заменить его законом «О национальных муниципальных образованиях в Республике Карелия» оказалась неудачной, проект не был принят Законодательным Собранием, хотя в Конституции Карелии сохранилось положение, что в республике «могут быть образованы национальные муниципальные образования». В 2006 г. была упразднена Вепсская национальная волость, создание которой оказалось очень сложным и потребовало много усилий со стороны вепсской общественности.

Все решения по развитию карельского и вепсского языков в постсоветский период не оказали положительного влияния на демографическое развитие карелов и вепсов: при неблагоприятной в целом динамике населения Карелии – численность населения республики с 1989 по 2010 г. снизилась с 790 до 643 тыс. – темпы потерь среди карелов оказались значительно выше – с 79 до 45,6 тыс. человек, у вепсов – с 6 до 3,4 тыс. Доля карелов в составе населения республики снизилась с 10 до 7,1%, вепсов – с 0,8 до 0,6%. Средний возраст карелов в 2010 г. составил 49,2, вепсов – 52,4 года, значительно превышая средний возраст в целом населения Карелии – 39,6 года. Это обстоятельство будет определять их негативную динамику и в последующем.

Было принято несколько решений, которые сократили специальные формы поддержки работающих с языком: из закона «О культуре» (1994 г.) изъята статья о 25% надбавке к окладу специалистам, использующим карельский, вепсский и финский языки в редакционно-издательской работе, библиотеках, музеях, архивах, на радио, телевидении и в других учреждениях, связанных с культурной деятельностью. В 2007 г. было закрыто подготовительное отделение при ПетрГУ для поступающих на кафедру карельского и вепсского языков; Республиканская термино-орфографическая комиссия при Главе Республики, ответственная за нормирование новописьменных карельского и вепсского языков, лишилась трех штатных сотрудников и стала работать на общественных началах. В Конституцию Республики Карелии в 2000 г. вошла статья 11, в которой при определении русского государственным языком в Республике Карелия возможность другого государственного языка Республики Карелия предусматривается «на основании прямого волеизъявления населения Республики Карелия, выраженного путем референдума». При современной демографической ситуации такое ограничение для представителей карельской общественности лишает надежды на придание карельскому языку статуса государственного. По мнению В. А. Кряжкова, положения статьи 11 Конституции Карелии не согласуются с требованиями Конституции РФ о справедливости, демократическом федеративном правовом государстве, равенстве и праве на самоопределение народов в Российской Федерации [Кряжков 2018: 59]. В настоящее время данная статья Конституции является источником напряженности между органами власти и карельской общественностью.

Перечисленные решения только формально можно связать с изменениями федерального законодательства, они могли быть скорректированы и на региональном уровне. Здесь скорее действует правило: права национальных меньшинств реализуются только там, где они востребованы.

Источники

- Ведомости 1992 2 – Ведомости Верховного Совета. 1992. № 2 (14). Ст. 256, 257.
Ведомости 1992 3 – Ведомости Верховного Совета. 1992. № 3 (15). Ст. 270.
Ведомости 1992 5 – Ведомости Верховного Совета. 1992. № 5 (17). Ст. 319.
Ведомости 1993 – Ведомости Верховного Совета. 1993. № 7–8 (19–20). Ст. 531.
Ведомости 1994 – Ведомости Верховного Совета. 1994. № 3–4 (39–40). Ст. 625.
Ведомости Съезда 1990 – Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 19. Ст. 331.
- Вепсы 2007 – Вепсы: модели этнической мобилизации: Сб. материалов и документов / Сост.: Е. И. Клементьев, А. А. Кожанов, З. И. Строгальщикова. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2007. 336 с.
- Всекарельский съезд 1990 – Всекарельский съезд представителей трудящихся карел, 1–3 июля 1920 г.; Первый Всекарельский съезд Советов, 11–18 февр. 1921 г.; протоколы. Петрозаводск: Карелия, 1990.
- Всесоюзная перепись 1992 – Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. М.: Наука, 1992.
- Вторая сессия 1991 – Вторая сессия Верховного Совета Карельской АССР (Двенадцатый созыв) 6–10 августа 1990 года. Стенографический отчет. Петрозаводск: Карелия, 1991. 158 с.
- Документ 1995 – Документ ООН CCPR/c/84/Add.2.22. February 1995. Page 59.
- Заседание 1990 – Заседание Верховного Совета Карельской АССР 11 созыва. 31 октября – 1 ноября 1989 г. Стенографический отчет. Петрозаводск: Карелия, 1990.
- Ингерманландские финны 2006 – Ингерманландские финны: модели этнической мобилизации. Сб. материалов и документов / Сост.: В. Н. Бирин, Е. И. Клементьев (рук.), А. А. Кожанов, З. И. Строгальщикова. Петрозаводск, 2006. 258 с.
- Итоги 1990 – Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Сборник III. Национальный состав населения Карельской АССР. Петрозаводск: Карелия, 1990. 48 с.
- Карелы 2005 – Карелы: модели языковой мобилизации. Сб. материалов и документов / Сост.: В. Н. Бирин, Е. И. Клементьев, А. А. Кожанов. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2005. 281 с.
- Карельское национальное движение 2009 – Карельское национальное движение. Ч. 1. От Съезда к съезду. Сб. материалов и документов / Сост.: Е. И. Клементьев (рук.), А. А. Кожанов. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. 248 с.
- Карельское национальное движение 2018 – Карельское национальное движение. Сб. материалов и документов. Ч. 3. Радикальное крыло (1990–1993) / Сост.: Е. И. Клементьев (рук.), А. А. Кожанов. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2018. 242 с.
- Конституция 1926 – Конституция Автономной Карельской Социалистической Советской Республики. Проект. Петрозаводск: Карелгосиздат, 1926. 18 с.
- Конституция 1937 – Конституция (Основной закон) Карельской Автономной Советской Социалистической Республики. Петрозаводск: Кирья, 1937.

Конституция 1940 – Конституция (Основной закон) Карело-Финской Советской Социалистической Республики. Петрозаводск: Карелгосиздат, 1940.

Материалы Пленума 1989 – Материалы Пленума Центрального комитета КПСС 19–20 сентября 1989 г. М.: Политиздат, 1989. 255 с.

Национальный состав 1990 – Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: Респ. информ. издат. центр, 1990. 752 с.

Некоторые показатели 1993 – Некоторые показатели, характеризующие национальный состав населения Российской Федерации. По данным переписи 1989 года. Т. III. Ч. 1. М., 1993. 109 с.

Основные показатели 1991 – Основные показатели социально-экономического развития национально-государственных образований. М., 1991.

Первая сессия 1991 – Первая сессия Верховного Совета Карельской АССР (Двенадцатый созыв). Стенографический отчет. Петрозаводск: Карелия, 1991. 320 с.

Программа 1991 – Программа обновления и развития национальной школы в КАССР на 1991–1995 гг. Петрозаводск, 1991. 36 с.

Россия и Финляндия – Россия и Финляндия: от противостояния к миру. 2017–2020: Сб. документов. М., 2017. 502 с.

Собрание законодательства 2001 – Собрание законодательства Республики Карелия. 2001. № 6. Ст. 712.

Собрание законодательства 2004 – Собрание законодательства Республики Карелия. 2004. № 3. Ст. 251.

Советы Карелии 1993 – Советы Карелии, 1917–1992 гг.: документы и материалы. Петрозаводск: Карелия, 1993. 549 с.

Третья сессия – Третья сессия Верховного Совета Карело-Финской ССР 24 апреля 1958 года. Стенографический отчет. Рукопись. 48 с.

Четвертая сессия – Четвертая сессия Верховного Совета Карельской АССР (двенадцатый созыв). Стенографический отчет. Петрозаводск, 1991.

Численность населения 1991 – Численность населения и некоторые социально-демографические характеристики национальностей и народов РСФСР. Статистический сборник. М.: Росинформцентр, 1991. 109 с.

Литература

Баранцев А. П. Карельская письменность // Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы фонетики, грамматики и лексикологии. Л.: Наука, 1967. С. 84–104.

Белоусов К. Ф. Лингвист не равно Фашист, или Дело о не состоявшемся процессе // Клио. 2010. № 1. С. 107–113.

Бирин В. Н. Тенденции демографического развития // Прибалтийско-финские народы России. Серия «Народы и культуры». М.: Наука, 2003. С. 212–219.

Бутвило А. И. Карельская Трудовая Коммуна. Петрозаводск: ПетрГУ, 2011. 235 с.

Веригин С. Г. Карельский вопрос в национальной политике Финляндии в период Второй мировой войны // Вестник СПбГУ. История. 2017. Т. 62. Вып. 1. С. 26–42.

Вихавайнен Тимо. Введение // В семье единой. Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950 гг. Петрозаводск: ПетрГУ, 1998. С. 9–14.

Гюллинг Э. Нам помогли Ленин и Сталин // Вепская правда. 1935. 11 июля.

Дробизева Л. М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: Институт социологии РАН, 2003. 376 с.

Зайков П. М. О преподавании карельского языка в Петрозаводском государственном университете // Бубриховские чтения: Проблемы прибалтийско-финской филологии и культуры. Сб. науч. ст. Петрозаводск: ПетрГУ, 2002. С. 12–17.

История Карелии: с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. 994 с.

Кангаспуру М. Взлет и падение красных финнов // Север. 1997. № 11–12. С. 114–123.

Карелия – приграничный регион России в XX–XXI веках: формирование и становление карельской государственности в составе СССР/России: Сб. докл. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию образования карельской государственности (7–8 июня 2018 года, г. Петрозаводск). Петрозаводск: ПетрГУ, 2018. 150 с.

Керт Г. М. Очерки по карельскому языку. Петрозаводск: Карелия, 2000. 111 с.

Клементьев Е. И. Становление гражданского общества и национальные движения в Республике Карелия (некоторые вопросы методологии исследования) // Гражданское общество на Европейском Севере: понятие и контекст. Материалы междунар. семинара. СПб., 1996. С. 62–65.

Клементьев Е. И. Некоторые черты языковой ситуации в Карелии: тенденции развития, современное состояние (на примере карелов, вепсов и финнов) // Клементьев Е. И. Языковые процессы в Карелии на примере карелов, вепсов и финнов: Сб. ст. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013а. С. 57–64.

Клементьев Е. И. Современная языковая ситуация и национальная школа // Там же. 2013б. С. 154–158.

Коронен М. М. В. И. Ленин и финские революционеры // Вопросы истории. 1968. № 10. С. 3–17.

Кряжсков В. А. Государственный язык республики в контексте карельской ситуации: конституционно-правовые вопросы // Государство и право. 2018. № 5. С. 52–59.

Левкоев А. А. Карельская автономия в системе советско-финляндских отношений 1930-х гг. // Новое в изучении истории Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1994. С. 101–121.

Левкоев А. А. Финляндская коммунистическая эмиграция и образование карельской автономии в составе РСФСР (1918–1923) // Общественно-политическая история Карелии XX века: Очерки и статьи. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1995. С. 24–50.

Муллонен М. И. Вепская письменность // Прибалтийско-финское языкознание: Вопросы фонетики, грамматики и лексикологии. Л.: Наука, 1967. С. 105–109.

Муллонен М. И. Десять лет преподавания языка в Петрозаводском университете // Бубриховские чтения: Проблемы прибалтийско-финской филологии и культуры. Сб. науч. ст. Петрозаводск: ПетрГУ, 2002. С. 18–25.

Мусаев В. И. Политическая история Ингерманландии в конце XIX – XX вв. СПб.: Нестор-История, 2004.

Мусаев В. Прибалтийско-финское население Северо-Запада России и советская национальная политика в 1920–1930-е гг. // *Studia Slavica Finlandensia. Tomus XXIV. Вепсы и этнокультурные перемены XX века.* Helsinki: Venäjän ja Itä-Euroopan. Inst., 2007. С. 76–94.

Нагурная С. В. Роль Д. В. Бубриха в создании единого карельского языка // Бубриховские чтения: Гуманитарные науки на Европейском Севере. Материалы. Петрозаводск: ПетрГУ, 2015. С. 259–267.

Пименов В. В., Тароева Р. Ф. Этнические процессы в Советской Карелии // 50 лет Советской Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1970. С. 214–247.

Покровская И. П. Население Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1978. 192 с.

Ровио Г. Проблема языка в национальной политике АКССР // Карело-Мурманский край. 1931. № 1–2. С. 16–21.

Ругоев Я. Письмо Эдварду Гюллингу // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Ювяскюля: Атена, 1995. С. 335–345.

Строгальщикова З. И. Формирование правовой базы по преподаванию прибалтийско-финских языков в Республике Карелия // Бубриховские чтения: Проблемы исследования и преподавания прибалтийско-финской филологии. Петрозаводск: ПетрГУ, 2005. С. 270–278.

Строгальщикова З. И. Вепсы в этнокультурном пространстве Европейского Севера. Петрозаводск: Периодика, 2016. 200 с.

Устная история в Карелии. Сб. науч. ст. и источников. Вып. II. Североамериканские финны в Советской Карелии 1930-х годов. Петрозаводск: ПетрГУ, 2007. 212 с.

Цыганков А. М. Политические и общественные организации Карелии: 1985–1995 гг. // Гражданское общество на Европейском Севере: понятие и контекст. Материалы междунар. семинара (Санкт-Петербург, 18–19.01/96). СПб., 1996. С. 41–45.

Что нужно знать о народах России: Справ. для гос. служащих. М.: Скрипторий, Рус. мир, 1999. 583 с.

Сведения об авторе. Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора этнологии, ИЯЛИ КарНЦ РАН.